

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ВЕРНИСАЖ

ФОТО ЭДВАРД ТИХОНОВ

Кирилл Макурин

Булган Рэнцэндорж

ды Павел Глухов, Дмитрий Антипов, Александр Могилёв и Константин Кейхель. Нынешним триумфатором абсолютно заслуженно стал ведущий хореограф театра «Балет Евгения Панфилова» Алексей Растворгувев. Пафосное слово «триумфатор» — не преувеличение: номера Растворгувева *Vis-a-vis* на музыку группы 2 Cellos и «Мой милый Сердан» на одноимённую песню Эдит Пиаф собрали почти все призы современного конкурса. Растворгувев получил премии и основного жюри, и жюри прессы, а Кирилл Макурин свою премию в современном конкурсе получил именно за *Vis-a-vis*.

Кооперация двух театров стала чрезвычайно плодотворной: артисты Пермского театра оперы и балета — кроме Макурина, в постановках Растворгувева танцевали Александр Таранов и Иван Порошин, тоже весьма яркие, но в конкурсе не участвовавшие — получили новые возможности для самовыражения, а хореограф в их лице — новый эффектный и благодарный материал для своих творений. Эти творения для многих стали главным впечатлением из всего конкурса. В них было то, что можно назвать собственной краской: характер, динамика, сюжет, взаимоотношения персонажей — всё то, что преображает танец из набора телодвижений под музыку в произведение искусства. Очень украсила эту работу прима «Балета Евгения Панфилова» Елизавета Чернова. Жаль, она тоже не участвовала в конкурсе как исполнительница, зато представила собственные хореографические работы, подозрительно похожие на растворгувевские, но в то же время не лишенные интересных находок.

Если говорить об индивидуальности, о красках, нельзя не упомянуть выступление, которое вызвало самые жаркие споры и обсуждения. Две японские девочки — Сакурако Кобаяси и Сакино Имайдзу — исполнили номер хореографа Такане «Балетная школа на войне» на музыку, ни много ни мало, Второго фортепианного концерта Рахманинова. Девочки, одна из которых — совсем малышка, под эту музыку не только танцевали, но и выполнили чуть ли не весь спектр обязательных упражнений по спортивной акробатике. При этом их руки и ноги как будто жили соб-

ственной, отдельной от исполнительниц, жизнью — превращались то в оружие, то в крылья... Это было яркое и изрядно жуткое зрелище, а в сочетании с сакральной для любого россиянина музыкой — почти кощунство, но девочки, невероятно искренние, изо всех сил, буквально на разрыв всех связок, рассказывающие об ужасах войны, — трогали до слёз.

В результате яростных споров жюри японскую команду «прокатило», но председатель жюри, художественный руководитель «Арабеска» Владимир Васильев в пике коллегам присудил Такане свой личный приз, и понятно почему: в этом номере есть то, что Васильев хочет видеть в современном балете, — здесь никто не спросит «Про что танцуете?», всё очень понятно, очень выразительно, очень эмоционально.

Лариса Барыкина, член жюри прессы «Арабеска-2018», художественный руководитель фестиваля современной хореографии «На гравии» (Екатеринбург):

— Танец, в том числе классический, — теснейшая взаимосвязь движения и музыки. И главный посыл хореографии — в заразительной, чувственной и увлекательной энергии, которую всегда транслируют настоящие артисты и которая мощной волной передается со сцены в зал. А отнюдь не в трюках и самолюбовании, что ныне свойственно танцовщикам. И не в слогам в медленном темпе исполняемых движениях, что демонстрировали многие танцовщицы. Думаю, что это проблема школы, и очень хочется, чтобы о ней наконец заговорили.

Ежедневный просмотр номеров балетного конкурса, признаемся, — весьма непростое занятие. Надо очень любить танец как искусство, чтобы в череде однотипных и бесконечно повторяющихся вариаций (десяток Рабов, пяток Филиппов и несчетное количество Эсмеральд!) разглядеть будущих премьеров и прим, кумиров публики. Так случилось, что «Арабеск» я наблюдала с его основания, помню всех, кто участвовал в нём в начале пути, а потом вошёл в когорту балетных звёзд. Только это знание даёт надежду на то, что всё повернется вновь и что чья-то артистическая судьба после «Арабеска» состоится.

Посмотри в глаза чудовищ

В музее PERMM открылась персональная выставка Ивана Горшкова (Воронеж)

Юлия Баталина

Новая выставка в Музее современного искусства PERMM — это не набор экспонатов, а единое произведение — тотальная инсталляция, организованная почти по законам градостроительства. Иван Горшков — художник, мастерски владеющий разными медиа, но особенно впечатляют его скульптуры, выполненные из таких серьёзных материалов, как металл или дерево, однако «Утопия драконов», которую можно увидеть на третьем этаже в PERMM, — это даже не вполне скульптура. Скорее, это архитектура.

Это город. В городе есть всё для него необходимое — жилища его обитателей, памятники вождям, рекламные экраны, зелёные насаждения, а в центре — самый настоящий фонтан. «Фишка» в том, что всё это — не человеческое. Точнее так: нечеловеческое. Принципиально нечеловеческое, как Зона у Стругацких в «Пикнике», как оккупированный иными расами Город или Заповедник гоблинов у Саймака. Полнейшее впечатление, что попадаешь в один из этих фантастических миров, причудливых, слегка отталкивающих и в то же время прекрасных в своей эстетике, которая скорее угадывается, чем видится человеческим глазом, находящимся в плену собственных стереотипных представлений о прекрасном.

Город между тем продолжает функционировать. Световые короба, телевизоры,

фонтан и маяк, посылающий прерывистый сигнал в небеса, — всё это исправно. Нынешним обитателям вряд ли нужны эти устройства, но они уживаются с ними, постепенно адаптируя под себя: покосившиеся, деформированные памятники, заросший шапочками маяк и покрытый немыслимыми красками фонтан.

Город стоит не сам по себе, он вписан в большой окружающий мир. Выставка кажется абсолютно единой, но на самом деле она составлена из трёх авторских проектов: «Утопия драконов» — сам город, «Крем-брюле» — несколько добавочных скульптур и «Гиперпрыжок и муравьед» — большие коллажи, которые, собственно, и обеспечивают ощущение широкой, планетарной реальности, каких-то равнин, гор и морей, которые окружают Утопию драконов и продолжаются за горизонтом. Сложная техника — живопись, рисунки карандашом и фломастерами, печать на бумаге и виниле, коллажи и ассамбляжи — вылезла за рамки отдельных произведений и разместилась прямо на стене зала музея, где вся красота неизбежно погибнет, как только выставка закроется.

В этом — важный пафос, перекликающийся с пронзительным и явным месседжем самого художника: страны, цивилизации, расы, биологические виды смертны, но жизнь и культура продолжаются, пусть даже в причудливых, не всегда понятных нам формах.

